

5. Мушкетик Ю. Куди йдемо? Енциклопедія історії України: Т. 7: Мі-О / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К. : В-во «Наукова думка», 2010. 728 с.
6. П'янов В. Звисоких вершин: Штрихи до портрета Юрія Мушкетика. *Вітчизна*. 2001. №9–10. 116 с.
7. Ромащенко Л. Жанрово-стильовий розвиток сучасної української історичної прози: основні напрями художнього руху: монографія. Черкаси : Видавн. Черкас. держ. університету ім. Б. Хмельницького, 2003. 386 с.
8. Свасьян К. Проблема символа в современной философии. М. : Академический проект, 2010. 223 с.
9. Шарова Т. Літературний процес 20-х років ХХ століття і механізми формування політичного дискурсу. *European Applied Sciences*. 2018. №2. С. 28–30.
10. Шарова Т.М., Пінігіна Ю.Г. Використання інформаційно-комунікаційних технологій на уроках української літератури в загальноосвітній школі. *Мова. Свідомість. Концепт*: зб. наук. праць. 2017. №7. С. 282–284.
11. Шпиталь А. Історична проза Юрія Мушкетика. *Київська старовина*. 1999. №3. 54 с.

Вергеенко С.А.

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины*

НЕРЕАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ИЛИ САМЫЙ ОДИОЗНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО (БЕЛОРУССКО- УКРАИНСКОГО) БЕСТИАРИЯ

***Анотація.** Стаття присвячена аналізу одного з найпоширеніших образів східнослов'янського бестиарію – образу відьми. Дається характеристика зовнішнім виглядам цього персонажа в українських і білоруських замовляннях і міфологічних текстах. Увага приділяється також проявам шкідливої суті відьми в білоруській і українській міфологічній культурі.*

***Ключові слова:** східнослов'янські замовляння, міфологічний текст, бестиарій, образ відьми, зовнішній вигляд, шкідлива сутність*

Vergeenko S.A. Unreal reality, or the most odious representative of the vostochnoslaviansky (belarusian-ukrainian) bestiaria. The article is devoted to the analysis of one of the most common images of the East Slavic bestiary – the image of a witch. The characterization of the appearance of this character in Ukrainian and Belarusian spells and mythological texts is given. Attention is also paid to the manifestations of the malicious nature of the witch in the Belarusian and Ukrainian mythological culture.

Key words: east Slavic spells, mythological text, bestiary, image of a witch, appearance, malicious entity

Наш современный мир, довольно обустроенный и обжитой, стал намного теснее, доступнее, благодаря развитой системе коммуникаций, и среднестатистический житель планеты Земля, за исключением, пожалуй, тех народов, которые по-прежнему живут в условиях традиционного общества, знают не только о своих близких, но и о дальних соседях (благодаря СМИ) больше, чем предыдущее поколение. Большая заслуга в этом принадлежит учёным, которые прилагают значительные усилия для сближения народов, разделенных государственными границами. Не лишним будет отметить, что в этом направлении значительные шаги предпринимают украинские, белорусские и русские фольклористы, активно изучая проблему устного народного творчества народов-соседей. Фольклор любого народа концентрирует в себе особенности его национальной культуры – это аксиома. И, тем не менее, народные представления у разных этносов содержат значительное количество общих черт: сюжетов, тем, образов и т.п., возникших в одинаковых или схожих условиях жизни и развития.

Территория Гомельской и Черниговской областей (а если взять шире, то Восточное Полесье – это Гомельско-Брянско-Черниговско-Житомирское пограничье) находится на пересечении генетически родственных культур, возникших из общего источника. Учитывая историческое, экономическое, политическое, культурное и др. многолетнее совместное развитие, мы можем утверждать, что население этих территорий является носителями двух родственных восточнославянских культур – белорусской и украинской. Цель нашего исследования – проследить белорусско-украинские параллели в восприятии наиболее распространенных образов низшей демонологии, выявить магически-ритуальные действия (практики) для защиты от этих экстранальных существ. Для реализации поставленной цели мы обратились к экспедиционным материалам из архива фольклорной лаборатории УО «ГГУ им. Ф. Скорины». Для сравнительно-сопоставительного анализа использовались материалы сборника «Полесские заговоры» [4].

Наиболее распространенным образом низшей демонологии был и остается образ ведьмы. Относительно этимологической генеалогии лексемы «ведьма» существует едва ли не общее толкование: «ведьма, ведунья – от существительного веды (знание) или глагола ведать (знать). Предположительно, это были в языческие времена женщины-жрицы, которые владели тайными ведами-знаниями и передавали их по наследству. С принятием христианства эти носительницы тайных знаний, необычных сверхъестественных способностей (которые они использовали зачастую в критических ситуациях для благополучия людей) были объявлены демоническими существами, помощниками дьявола, трансформируются, становятся более устрашающими: «О, ведзьма – гэта страшна. Гэта былі людзі злыя... Іх называлі ведзьмамі, паганымі, вядзьмаркамі, гадаўкамі» [3, с. 34].

В народных представлениях ведьмы бывают двух видов: прирожденные и наученные: «Ведзьмы падзяляюцца на наследственных, якім навука ідзе па наследдзю, і вучоных, якія вучацца ад іншых ведзьмаў» [3, с. 129]. Прирожденные – это ведьмы, дьявольские способности которых достались им в наследство от матери-ведьмы: «Вообще эти силы передаются от матери к дочери после смерти или от бабки. Они (ведьмы – С.В.) обычно кривые, горбатые, с лохматыми волосами или какими-то уродствами, например, с бородавкой или еще с чем-нибудь» [2, с. 306]. Чаще, согласно народным представлениям, встречаются наученные ведьмы – это женщины, которые свои сверхъестественные способности получили или непосредственно от нечистой силы, или от другой ведьмы, или по доброй воле, договорившись с колдуньей, или случайно, взяв какую-нибудь вещь из рук умирающей женщины, а иногда просто прикоснувшись к ней, даже не помышляя о колдовстве: «Ведзьмакі вучацца па кніжкам плахім, чорным» [3, с. 88]; «Жыў у Ветцы мужык, звалі яго Панцелеймонам. Ён недзе дастаў кніжку плахую, чорную і стаў па ёй вучыцца плахое люлям дзелаць» [3, с. 90]. Общее между ними то, что и наученная, и прирожденная ведьма сочетает в себе черты реальной женщины и демонические. Соответственно с ее негативно-вредоносной сущностью в нарративах наших информаторов и в заговорных текстах подаются непривлекательные штрихи к портрету. Так, Оксана Моисеевна Павленко, 1924 г.р., жительница г. Гомеля, переселенка из д. Петровка Щерского района Черниговской области, вспоминает: «Была і ў нашай дзярэўні така баба. Уся скручана, сагнута була, хадзіла на палку абапіралася, всегда штосьці шаптала сабе пад нос, а вочы ў яе так і бегаюць, так і бегаюць, вакруг глядзяць... Дык і саседка яе така ж сама. Кажуць, што яна зналася з вядзьмаркай, каторая наўчыла нечаму. Яна тоўстая такая, ногі цягала, чуць ходзіць, больш сядзела

ля двара. Тожа падроблівала людзям» [3, с. 93–94]. А жительница из д. Красный Берег Жлобинского района Журавлёва М.Д. так описывает этот образ: «Так, ведзьма – эта страшная жэншчына, да яе і жэншчынай не назавеш... Яна з чортам дружыць. Яны адзін аднаму ўсё памагаюць. І ў неё, как у чорта, хвост есць, гавораць, дык яна яго ўсё прачыць. А сама яна гарбатая, страшная».

Не менее колоритным рисуется портрет ведьмы и в заговорах. Так в заговоре, записанном от Здоровцовой Н.С., 1926 г.р., из д. Четверня Жлобинского района, этот персонаж предстает «з большой галавой, шырокімі зубамі і востра-яркімі вачамі». Добавляет колоритные штрихи к портрету и жительница д. Бабичи Речицкого района Гомельской области Журо Н.А., 1937 г.р.: «Каля скаціны (каровы – С.В.) стаіць маленькая-маленькая жанчына, а валасы, ты б толькі пабачыла, такія чорныя, аж страшна стала». Как следует из примеров, заговоры не дают развернутой характеристики (в том числе и портретной) персонажа, ограничиваясь короткими, но весьма точными штрихами, которые в совокупности составляют целостную мозаичную картину и дают достаточно полное представление об этом вредоносном существе со сверхъестественными способностями. В белорусско-украинских заговорных текстах ведьмы выглядят как старые, толстые, уродливые, с физическими недостатками женщины. Некоторые портретные детали особенно выделяются, например, широкие зубы, скорее всего выступают не столько визуальной физической деталью, сколько средством психологического «портрета» (агрессия, злоба, по-зериному).

Такие черные волосы, что стало страшно... Черные волосы в данном контексте – символ лицемерия, предательства, демонизма, они придавали силу при колдовстве. Черный цвет – цвет хаоса, символизирует преисподнюю во главе с «князем тьмы», а ведьма выступает в ипостаси его помощницы-слуги, что подтверждается и наличием хвоста “как у черта”. Ведьма выдает себя «востраяркімі вачамі», ее отличает привычка избегать прямого взгляда на собеседника. Ее глаза, и даже взгляд выступают в качестве разрушительной силы, то, что в народе определяют как «дурной глаз». От враждебного «дурного глаза» ведьмы заботливый хозяин вынужден был спасать и своих домочадцев, и свою живность. Во всех славянских традициях ведьмам инкриминировалась порча скота и прежде всего «отбирание» молока у коров. В этой связи Василина Сергеевна Бондарева, 1923 г.р., из г. Мозырь, вспоминает: «У мяне было такое. Прыдзеш даіць, садзішся на калені, не дае даіць. І мучылісь, мучылісь, лачылі, прыводзілі жэншчыну, а яна не памагла. Эта ведзьма карову

зглазіла». А жительница д. Судково Хойникского района Лагвинец А.К., 1940 г.р., уверена: «Ну, етыя ж ведзьмы карову з'ядали: карова балела, малака не давала, білася, не дапускала хазяйкі. Вымя там распірала ў яе, ні можна было падаіць». Мария Фёдоровна Кошкарёва, 1921 г.р., из д. Загорины Мозырского района жила рядом с соседкой-ведьмой, и вот, что она рассказывает: «Ведзьма жыла напроціў... Стану даіць, ета карова б'ёт мяня і хвастом, і нагамі, ну не даёт мне падаіць. Каплю падаю – і ўсё... І вдруг, глядзіце, што я віжу. Прыскакала жаба, большая-большая. Стала і глядзіць на мяне. І вот, так аблітая ўся-ўся малаком... І я стала хрысціцца, перахрысцілася і яна ісчэзла. Прыбгае эта саседка: «Цітко, – яна хахолка была, цітко, дайце вілы»... Нічога не дала гэтай ведзьме». В последнем примере нашло отражение еще одно повсеместно бытующее представление о способности ведьмы, как и других представителей бестиария (лешего, русалки, домового) к оборотничеству: могли принимать зооморфные (жабой, котом, свиньей и т.д.) или предметно-атрибутивные образы (колесо, сучок, клубком ниток, решетом и т.д.): «Эта былі людзі, каторыя сільна зналі што-та, вот. Яны былі з чорнай магіяй связаны... ані маглі ў ваўка пераделцаца, там, у вужа ілі змяю... у пціцу. У жабу, у свінню, а ета маглі – дык людзі, якія звязаны з чорнай магіяй» (записано от Логвинец А.К., 1940 г.р.).

Наши информаторы точно знают и время, когда особенно активизируется эта нечисть: «Ведзьма магла з'яўляцца ў выглядзе свінні цяля, жабы, сарокі, вужа... Ведзьмы з'яўляліся на Купалле, Троіцу, Благовешчанне, Вялікдзень, вадохрышча, асабліва ў пражежак з 12 да 3 гадзін ночы – час ведзьм. Яны наганялі порчу» (записано в д. Головинцы Гомельского р-на от Давыдовой Т.И., 1913 г.р.). К упомянутому наши информаторы добавляют еще и Юрьев день – день первого выгона домашних животных на пастбище. Рано утром ведьма приходит на луг, где пасется стадо, полотенцем собирает росу, происнося заговор и указывая на корову, у которой «отбирает молоко», выжимает в ведро, затем дает эту воду выпить своей корове. Заговор ведьмы: «Как роса убывает из-под полотенца, так чтобы убьло молоко у этой коровы, и как роса вбирается в мое полотенце, так пускай молоко переходит из этой коровы и вбирается в вымя моей коровы» [1].

Порчей скота не ограничивались вредоносные способности ведьмы. Она умела наводить порчу на поля, лишая земледельца основного источника пропитания. Вот что рассказывает Анна Ивановна Науменко, 1926 г.р. из д. Коротковичи Жлобинского р-на: «Знача, братэрка маёва ведзьмаю была, але ні адразу я даведаласі. Аднаго разу прышла да іх. Іна варыць у вялізных катлах нешта. Калі спыталасі, дык іна сказала, што мне ні трэба ета ведаць.

А калі надышоў вечар, дык іна пашла і стала разліваць тое, што варыла на гарод сваей суседкі. После таго ні радзіла на гародзі нічога». Приведенный пример едва ли не единственное свидетельство подобного уничтожения силы – духа поля. В основном ведьмы применяют способ более зловредный – губительно воздействующий не только на урожай, но и на болезнь и даже на смерть того, кто сожнет или вырвет залом. По-мужски немногословно о трагедии семьи рассказал Александр Иосифович Салапан, 1931 г.р. из д. Судково Хойникского района: «Залом, а у нас называли завітка. Ну, і здзелалі пакойнай бабушке маей завітку... яна пайшла, етыя завіткі павырывала. Не знаю, ці яна іх спаліла, ці што... У раду парабіліся ўсе нямыя, паўміралі. Хто астаўся жывы, парабіліся нямыя. Во што етыя завіткі». Более словоохотливая оказалась жительница того же села Александра Кузьминична Лагвинец. Вот вкратце (то, что касается темы нашего разговора) ее рассказ: «Заломы рабілі. Дажа знаю, мы жылі, і ў нас жыла саседка... яна дзелала заломы ў жыцце, дзелала... што яна – дайшло да прэсэдацеля... і ён, я не знаю, верыў етаму, не верыў, но ён рашыў быў праверыць. І пайшоў у поля ноччы. Ён бачыць, то яна. І вот, прэсэдацель яе гнаў да самага сяла... Тады ўжо бабы хадзілі сярпамі жалі... дак у каторай вот ужэ папалі гэтыя заломы, сільна балелі».

Таким образом, анализ мифологического материала, связанного с представлениями о внешнем виде и вредоносной сущности одного из наиболее распросраненного образа восточнославянского бестиария, показывает, что представления у белорусов и украинцев во многом совпадают. Это еще раз подтверждает гипотезу о том, что наши народы являются носителями двух родственных восточнославянских культур.

Літэратура

1. Крачковский, Юл.Ф. Быт западно-русского селянина. Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. [2], 212 с.
2. Народная духоўная спадчына Гомельскага раёна / укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца і рэдагаванне В.С. Новак. Гомель : ААТ «Полеспечать», 2007. 456 с.
3. Народная міфалогія Гомельшчыны: фальклорна-этнаграфічны зборнік. Мінск : ЛМФ «Нёман», 2003. 320 с.
4. Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной [и др.]. М. : Издательство «Индрик», 2003. 752 с.